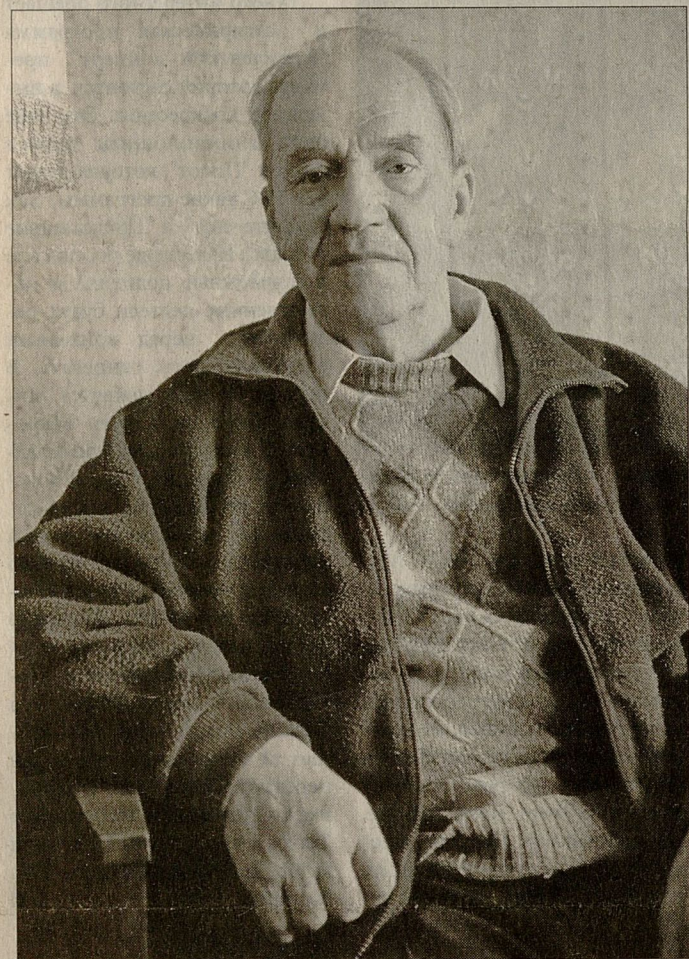

Отблески Серебряного века

Алексеем Лансере хотелось бы сделать музей в доме Бенуа

Вера Камша
Санкт-Петербург

Алексей Николаевич Лансере принадлежит к знаменитейшему клану Бенуа-Лансере-Серебряковых. Сын выдающегося архитектора Николая Лансере, племянник художников Евгения Лансере и Зинаиды Серебряковой, внук скульптора Евгения Лансере продолжил семейную традицию. По профессии он архитектор. На его плечах – колоссальный семейный архив.

Алексей Лансере.

Фото Павла Корнеева

Алексей Николаевич, известно, что вы очень много делаете для сохранения наследия отца.

— Совершенно верно. С именем отца связано много интересных работ, не хотелось бы, чтобы об этом забыли. К примеру, Николай Евгеньевич – единственный из советских архитекторов получил премию за участие в 1929 году в крупнейшем международном конкурсе на проект маяка – памятника Колумбу в Санто-Доминго. Интересно, что маяк ему приснился. Утром он набросал несколько вариантов, но почетную премию получил именно приснившийся маяк.

А спустя совсем немного времени отца арестовали. Тогда арестовать и осудить человека можно было без всякого повода. Это была кровавая потеря. Кого-то пронесло. Кто-то, почуввав неладное, быстро собрался и уезжал. Иногда это помогало, чаще – нет. Первыми погибли лучшие: ученые, художники, писатели, актеры... Мой отец не был исключением. Его арестовывали несколько раз, а в промежутках между арестами он еще ухитрялся работать. Судьба иногда шутит довольно жестоко. Отцу пришлось какое-то время провести в заключении в здании на Литейном, которое он некогда проектировал.

— Вы хорошо помните те времена?

— Я все помню, даже то, что лучше забыть. Пришли, арестовали отца, мать, сестру. Спросили, сколько мне лет (мне было около пятнадцати). Я ответил, они сказали: «Можете не одеваться», — и ушли, а я остался. Месяц со мной прожила домработница, очень славная простая женщина из деревни. Потом ее кто-то напугал, сказав, что могут арестовать и ее. Она ушла, и чуть ли не в тот же день вернулась сестра, месяц просидевшая в Крестах, еще через месяц пришла мать, и мы уже втроем ждали отца. Тогда он вернулся.

Помню и последний арест. В дверь позвонил управдом и спросил, куда уехал Николай Евгеньевич. Я сразу понял, зачем он пришел, и сказал, что не знаю деревни, где остановился отец,

вроде где-то в стороне Сиверской. К сожалению, расстояние и отсутствие названия ГПУ не смутило. Нашли.

Последний приговор был сравнительно мягким – пять лет лагеря. Мы все время куда-то писали, даже получили ответ с обещанием пересмотреть дело. Но до этого была высшая мера наказания. Такое не так-то просто выслушать.

— А лично у вас неприятности были?

— В студенческие годы был один смешной случай. Мне нужно было что-то завернуть, и я снял

— Видимо. В нас много кровей намешано – итальянская, польская, русская, французская тоже есть.

Мой прапрадед Поль Лансере – наполеоновский офицер. Был ранен при Бородине и, когда французы бежали из Москвы, не мог к ним присоединиться. Попал в плен, его приютити, вывели. Позже он женился на прибалтийской немке – баронессе Ольге Карловне Фон Таубе, у них родился сын Александр, мой прадед и отец будущего скульптора.

Ну а мама была полька, Елена Казимировна. Забавно, что в деревнях ее называли Кузьминична. У меня есть огромный мамин портрет кисти тети Зины, но разве в современной квартире с низкими потолками его повесишь? Чтобы собирать портреты, нужно много места.

— Тетя Зина – это знаменитая Зинаида Серебрякова?

— Да, урожденная Лансере. Сестра моего отца. Про нее и ее творчество написано довольно много. О себе как о художнике она заявила в 1910 году, приняв участие в выставке в редакции журнала "Аполлон" и выставке в Петербурге, на которой две ее работы, в том числе автопортрет "За туалетом", были приобретены Третьяковской галереей. Потом участвовала в выставках объединения "Мир искусства", много путешествовала. Затем ей пришлось пережить разгром имени и смерть мужа, в 1920 году она вернулась в Петроград, а в 1924 выехала в Париж под предлогом устройства своей выставки, но обратно не вернулась.

Последний раз я видел тетю Зину в 1924 году в Гатчине. Она с двумя детьми уезжала в Париж, поезд проходил мимо нас, остановился на десять минут, мы вышли на перрон, помахали, и все... Ее звали обратно, но тетя не рискнула, хотя здесь и осталась двое ее детей.

— Ее дальнейшая судьба как будто сложилась удачно?

— Она продолжала работать. Ей позировала дочь Катя и девушки

СССР, то ли надеялись, что Зинаида Серебрякова в конце концов все же передумает и вернется. Евгений стал архитектором, Татьяна – известной театральной художницей. Впрочем, уехавшие с матерью Шура и Катя тоже стали художниками, и очень хорошими, хотя настоящей школы у них не было. Их единственной школой была мать.

Они нашли свою тему: старинные французские замки. В те поры богатые люди скупали старинные замки и переделывали с учетом современного комфорта. Тогда и возникла мода заказывать Серебряковым картины с изображениями «приговоренных» старинных интерьеров. Причем если художники изображали висящую на стене картину, то, хотя ее размер не превышал почтовой марки, можно было узнать мастера и распознать сюжет.

Шура и Катя много писали, неплохо зарабатывали и в результате сохранили целую эпоху.

— Вы не потеряли друг друга?

— Вначале отец писал сестре, но потом переписка по понятным причинам прервалась. Тогда было очень трудно сочинять письма за границу: напишешь как есть – жди неприятностей, наврешь – неловко, да и не поверят.

Не так давно я написал Кате, последней, кто остался из детей тети Зины, письмо в пять страниц. Она сразу же ответила, потом от нее к нам приезжал мсье де Сент-Иполит. Он помогает Кате создавать фонд Серебряковых.

— Как-то промелькнуло сообщение, что на аукционе русской живописи коллекция из семи картин Зинаиды Серебряковой ушла почти за полтора миллиона фунтов стерлингов и что это связано с фондом.

— Вырученные с продажи средства пойдут на то, чтобы сделать инвентаризацию всех работ, находящихся в семье (самой Зинаиды, ее сына Александра и доче-

ского павильона, построенного вашим отцом.

— Метеорологический павильон был сооружен городской управой Санкт-Петербурга в 1914 году, но в 30-е годы его демонтировали и перенесли на Елагин остров, где в заброшенном состоянии он сначала простоял, а потом провалился около семидесяти лет.

Я обратился к городским властям с предложением реставрировать павильон и вернуть на прежнее место. Мне пошли на встречу, только пришлось его немного передвинуть. Раньше он стоял на Невском проспекте, а сейчас его сдвинули за памятник Гоголю. Зато нам удалось сохранить большую часть декоративного и скульптурного убранства, в частности барельефы и фигуру Тритона, выполненные по эскизам отца скульптором Кузнецовым. Увы, из-за глубокой коррозии металла некоторые элементы пришлось изготовить заново. Но теперь, как и в начале века, в витринах павильона выставлены самописцы, барограф, термограф и еженедельные записи их показаний. Часы технически обновили, но по облику они остались прежними.

Кстати, работа на одном из отцовских объектов и с использованием его наработок продолжается и сейчас. На основании обнаруженных отцом материалов делают скульптуры для Аллеи Мира в Санкт-Петербурге. Это работы, которые мы в начале века, в витринах павильона выставили самописцы, барограф, термограф и еженедельные записи их показаний. Часы технически обновили, но по облику они остались прежними.

— Если речь зашла о скульптуре, то нельзя не вспомнить вашего дедушку.

— Да, его имя не забыто. Не так давно к нам приезжал один англичанин, который пишет книгу о Евгении Александровиче. Он услышал, что в Санкт-Петербурге живет внук предмета его обожания.

Дедушка создал более 400 конных групп. Это и русские тройки, и композиции на тему спортивных состязаний, охоты, сюжеты исторической и военной тематики. Особо его интересовала жизнь кочевых народов Востока, он специально ездил в Крым, на Кавказ, в Киргизскую степь, в Башкирию, в Алжир. Его великой любовью были лошади. Когда он умирал, к нему привели попрощаться любимого коня. Прямо в комнату.

Любопытно, что дедушка не имел специального образования (хотя, будучи студентом Петербургского университета, посещал мастерскую Либриха). Впрочем, это не помешало его работам разойтись буквально по всему миру.

— Евгений Александрович умер рано...

— Чахотка. В то время это было равносильно приговору. А вот бабушку я помню очень хорошо. После смерти мужа она с детьми переехала в Петербург, в дом отца, который в художест-

был изумительный почтовый адрес: Петроград, Инженерная улица, Музей Александра Третьего. Лансере. Любопытно, что зарплату сотрудникам музея выдавали вещами. Так в нашей се-

девущка и талантливая. Она училась в средней художественной школе, готовилась поступать в академию, но началась война... В конце концов ее забросило в Англию. Потом вмешался слу-

Бедуин на коне – одна из работ Евгения Лансере, деда Алексея Лансере.

Фото Павла Корнеева

Каким бы жутким ни было время, всегда найдутся люди, которые остаются людьми

Независимая - 2002 - 15 июля - с. 15.

Меня долго таскали в партком, грозился «припомнить и это». Но вообще-то и ко мне, и к сестре (она училась в Ленинградском инженерно-строительном институте) относились неплохо. Конечно, каждый в меру своей смелости. Один преподаватель отзывал Наташу после лекций и шепотом расспрашивал об отце (мы на все расспросы отвечали одной фразой – все то же). А был профессор, который, стоя на кафедре, заметив в списке студентов фамилию Лансере, при всей аудитории заговорил о Николае Евгеньевиче.

Каким бы жутким ни было время, всегда найдутся люди, которые остаются людьми. Именно на это рассчитывали арестованные, когда выбрасывали в окна письма. Кто-то их подбирал, опускал в почтовые ящики. Так мы получили письмо от отца, в котором он рассказал, как на допросах следователи ГПУ ему обещали – «мы сделаем так, что о вас забудут, ваше имя исчезнет, его никогда не вспомнят». Вот так. Жил человек, работал, а потом словно бы его и не было. Отец писал историю архитектуры всех стран и народов мира. После ареста издательству было запрещено издавать эту книгу, так что рукописи нам вернули.

— Что, по-вашему, двигало этими людьми? Фанатизм? Зависть? Желание разрушить до основания?

— На эту тему рассуждать можно долго, но я не хочу, все и так понятно. Сейчас можно говорить что хочешь, а раньше считалось, что из трех человек двое стукачи. Может, это и было преувеличением, но все молчали, боясь сказать лишнее. Хотя молчание не спасало. Про отца, в частности, придумали, что он французский шпион.

— Из-за фамилии?

из знакомых русских семей. Возможно, потому, что она работала не с профессиональными натуралистами, ее картины получались одухотворенными, лишенными дешевой эротики.

— А что стало с детьми Зинаиды Евгеньевны, оставшими здесь?

— Их не арестовывали – то ли думали, что это будет известно в Париже и повредит репутации

ри Екатерины, Александра Бенуа и Евгения Лансере). Средства нужны также и для того, чтобы сохранять все это наследие и выставлять его. Дополнительные задачи фонда – описание истории семьи Серебряковых и изучение русской эмиграции в Европе.

— Алексей Николаевич, расскажите о восстановлении знаменитого метеорологиче-

На этой знаменитой картине «За завтраком», кисти Зинаиды Серебряковой (тети Алексея Лансере) изображены его двоюродные братья и сестра.

венных кругах называли не иначе как Дом Бенуа у Николы Морского. Кстати, в этом доме некогда висела «Мадонна Бенуа» Леонардо да Винчи.

Когда мы вернулись в Петроград (спасаясь от голода, родители уехали на юг, но потом Мариэтта Шагинян написала: дескать, возвращайтесь, здесь очень интересно, все начинается снова), то какое-то время тоже жили в этом доме. Мне было лет восемь, и бабушка водила меня в Мариинский театр. Потом мы переехали в Русский музей, где отцу выделили жилье. Раньше там была канцелярия Музея Александра Третьего (так изначально назывался Русский музей). У нас

мне оказалась скатерть с царским гербом и два фрейлинских сервиза, один мы в минуту жизни трудную продали, другой побился.

— Не жалко?

— В любом случае меньше, чем работы, которыми во время войны пришлось топить.

— Вам не приходило в голову написать о себе и своей семье книгу?

— Зачем? Слава, она ведь часто кончается плохо. Слава никому не нужна. Поэтому я и контактов с прессой избегаю по возможности. А книг о нашей семье и так множество, да и моя сестра очень хорошо написала об отце.

Другое дело, что хотелось бы в доме Бенуа сделать музей, но денег не хватает. Нужно расселить квартиры, отремонтировать и так далее, а это под силу только государству. Хорошо хоть мемориальная доска нашему клану там висит.

— Можете немного рассказать о картинах, которые висят на стенах вашего кабинета?

— Здесь две работы тети Зины. Швейцарский пейзаж и девочка с кошкой – моя сестра Наташа. Кошку звали Бьянка, ее нам подарила жена архитектора Белогруда, того самого, что поставил один из самых знаменитых петербургских домов. Во всех альбомах и справочниках он известен как дом с башнями на площади Льва Толстого. Жаль, у Белогрудов не осталось потомков, очень хорошие люди были.

Дальше идет картина моего брата Евгения Евгеньевича Лансере-младшего. На ней изображена церковь на берегу Москвы-реки, построенная... на картонный выпрыш. Архитектор очень интересно использовал этот мотив: на углах вместо традиционных обелисков – карты: пиковый туз, трефовый и так далее.

— Здесь еще два ваших портрета.

— Первый – работа моей старой знакомой Людмилы фон Трапп, которой я в свое время был изрядно увлечен. Красивая была

чай, и она стала придворной художницей.

— Как же ей это удалось?

— Так, как бывает в романах. Она жила вместе с матерью и двумя детьми очень бедно, но рисовать не бросала. Однажды писала одну старинную резиденцию и заинтересовала хозяйку поместья, принадлежавшую к высшей английской аристократии. Леди узнала историю художницы и заказала ей портреты двух своих детишек. Моя знакомая нарисовала, заказчица была очень довольна, всем показывала, в том числе и королеве. Та тоже сделала заказ. После этого к Людмиле пришел успех, теперь она имеет особняк в Португалии, на побережье Атлантики. Такой вот поворот... А мой портрет она набросала за час до моего отъезда, когда я ее навещал.

— А второй портрет и скульптуры под ним?

— Его нарисовала моя родственница и соседка по двору Марианна Шпретер. Бедуин на коне – одна из работ дедушки, а лежащая кошка – подарок его друга, скульптора-анималиста Обера. В Русском музее стоит очень тигр в натуральную величину, а у нас киска. Обер был крестным моей сестры Наташи. Художественный мир тесен. Все всем кем-нибудь да приходится.

— А вы сейчас рисуете?

— Я не рисую довольно давно. Зато на меня свалился архив, который вела моя сестра Наташа. Ко мне то и дело обращаются и художники, и искусствоведы.

— А ваши сыновья?

— Сыновья пошли по моим стопам. Оба архитекторы, причем работают вместе. Я рад, что мои сыновья на отсутствие работы не жалуются, работают до 10 вечера. А в 2000 году у них в один день и с разницей в один час родились две очень славные девочки – Екатерина и Анна. Им уже идет третий год, скоро рисовать начнут... А всего внуков у меня шесть. ■